

ФИЛОЛОГИЯ И ЛИНГВИСТИКА

Савельева Елена Сергеевна

канд. филол. наук, доцент

Омский автобронетанковый инженерный институт
ФГБОУ ВПО «Военная академия материально-технического
обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулева» Минобороны России
г. Омск, Омская область

Завальников Владимир Петрович

канд. филол. наук, доцент

ФГБОУ ВПО «Омский государственный
университет им. Ф.М. Достоевского»
г. Омск, Омская область

ДИФФУЗИЯ ПОНЯТИЙ РОДСТВА И ДРУЖБЫ НА ПРИМЕРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА

Аннотация: авторы статьи обращают внимание на тот факт, что в русском языковом сознании существует устойчивый семантический маркер, который определяет внутреннюю близость людей. Исследователи полагают, что это лексемы «душа», «духовный», «душевный», «задушевный». Данные лексемы неразрывно связаны с такими категориями, как «время» и «пространство», которые являются ориентирами в понимании закономерностей существования и взаимосвязи человека, общества, природы, Вселенной. Человек осознает течение времени опосредованно – через восприятие изменений, происходящих в пространстве, в том числе и в межличностных отношениях.

Ключевые слова: время, пространство, категория, лексема.

Сфера вербальных знаков, обозначающих межличностные отношения, является одним из активных участков лексического запаса языка. Однако об устойчивости подобных лексем в словарном составе можно говорить с определенной долей относительности. Так, с одной стороны, заметная часть рассматриваемой

лексики на сегодняшний день претерпела процесс архаизации. В частности, значения таких слов, как *уй, деверь, шурин, золовка* и т. п., с трудом идентифицируются большинством современных носителей русского языка. Это связано с произошедшими социальными изменениями: нарастающей урбанизацией, изменившимися представлениями о семье и др.

С другой стороны, следует признать, что в настоящее время спектр использования лексем, связанных с номинациями *родства* и *дружбы*, значительно расширился. Слова, обозначающие родственные и дружеские отношения, эксплуатируются в различных контекстах, различных дискурсивных практиках. Более того, наблюдается достаточно активный процесс взаимопроникновения (иногда даже взаимозаменяемости) этих двух семантических пространств (*он мне как брат, мама – лучшая подруга* и т. п.). Подобное явление можно охарактеризовать как диффузию. Рассмотрим это с точки зрения таких базовых онтологических характеристик, как время и пространство.

Как известно, процесс восприятия и познания мира заключается в упорядочении неразрывно связанных между собой пространственной и временной когнитивных структур (КС), порождаемых чувственным опытом.

Когнитивные структуры отношений *родства* и *дружбы* тесно связаны с категорией пространства. Вообще сам по себе феномен *отношения* непосредственно связан с пространством, так как предполагает позицию одного субъекта *относительно* другого. Пространство, наряду со временем, является основным атрибутом материи, основной формой бытия, которая воспринимается и дифференцируется человеком. Оно организуется вокруг индивида, ставящего себя в центр микро- и макрокосмоса, и оказывается в основе формирования многих номинаций, относящихся к другим, непространственным сферам. В нашем случае такой можно считать сферу межличностных отношений – отношений «человек – человек».

В родственных и дружеских отношениях пространство регулируется категорией *близости*. Эта категория является своего рода связующим звеном, опре-

деляющим не только характер межличностных отношений, но и диффузию представлений о *родстве* и *дружбе* в сознании носителей языка. Таким образом, *близость* выступает в качестве своеобразного координатора, позволяющего концептуально описать рассматриваемую составляющую сферы «человек – человек» при помощи пространственных характеристик. Именно формат *близости* репрезентирует вторжение пространства в отношения субъектов.

Так, например, отношения внешней пространственной близости, общности проживания в некоторых случаях могут даже замещать родственные отношения:

Когда-то они были подружками, еще бы, две одинокие женщины в двухкомнатной квартире, у них было много общего и даже гости бывали общие... большое счастье, что у нее такая соседка, как старшая сестра, которая никогда не бросит в тяжелую минуту (Петрушевская «Мечь»).

КС 1 *были подружками* представлена когнитивными признаками *одинокие женщины, в двухкомнатной квартире, много общего, гости общие*. КС 2 *соседка как старшая сестра – не бросит в тяжелую минуту*. КС 1 → КС 2.

Дело в том, что в нашей квартире в Москве начался ремонт. Вообще, в нашей семье много народа. Во-первых, моя лучшая подруга Катя, ее сыновья Кириуша и Сережа, жена последнего Юля, Лизавета и я... Каким образом мы все оказались вместе, рассказывать не стану, но поверьте, дружба соединила нас крепче, чем иных людей родство (Донцова «Фиговый листочек от кутюр»).

Следует подчеркнуть, что в большей степени характер межличностных взаимоотношений регулируется представлением о внутреннем, духовном пространстве.

Обращает на себя внимание тот факт, что в русском языковом сознании существует устойчивый семантический маркер, определяющий внутреннюю близость людей – это лексемы *душа, духовный, душевный, задушевный*:

Где-то уже через час после знакомства стало ясно, что наши души идентичны, как однойцевые близнецы. Или, вернее, у нас одна душа, разделенная на две части (Токарева «Звезда в тумане»).

Главное – Лия. Случайная настоящая Подруга. <...> Как можно выбрасываться в окно, когда на земле, пусть на другом ее конце, живет человек с идентичной душой (Токарева «Звезда в тумане»).

В данных контекстах *душа* предстает в качестве пространственного вместилища. Внутренняя *близость* между людьми проявляется на уровне так называемой наивной анатомии: *наши души идентичны, как однойцевые близнецы; у нас одна душа*. Как представляется, в данном случае можно говорить об особом типе *родства*, обнаруживающем себя, в том числе и в паремии (ср. *родственные души, родство душ, братья по духу, жить душа в душу*). Духовность и душевность русского человека находит отражение в такой национальной особенности русского языка, как подробная разработка психической жизни, а также в наличии уникального концепта «душа» [Урысон, 1995; Белякова, 1999; Михеев, 1999; Тильман, 1999; Салалыкина, 2002; Шмелев, 2002]. Данный концепт занимает важнейшее место в структуре модели мира, поскольку он имеет непосредственное отношение к антропоцентрическому аспекту мироздания. По наблюдениям В.И. Постоваловой, подобные базисные концепты могут оказаться долговечнее конкретной картины мира и остаться в языке даже в случае смены глобальных представлений [Постовалова 1994: 207]. Именно этот факт, как нам кажется, во многом объясняет существующую в сознании говорящих диффузию *родства* и *дружбы*.

Время, как и пространство, – одна из основных онтологических категорий, являющихся ориентирами в понимании закономерностей существования и взаимосвязи человека, общества, природы, Вселенной. Но в отличие от пространства, оно нематериально и в силу этого не доступно ни одному из пяти чувств. Человек осознает течение времени опосредованно – через восприятие изменений, происходящих в пространстве, в том числе и в межличностных отношениях.

Важнейшей категорией, связанной с темпоральным восприятием, является категория *оценки*.

Так, время применительно к межличностным отношениям соотносится в сознании носителей языка с антиномией «стабильность – динамика». С одной стороны, человек воспринимает длительные отношения с близкими людьми как фактор постоянства, стабильности в изменяющемся окружающем мире. С другой – он (человек) осознает динамичность, развитие, смену определенных стадий в межличностных отношениях.

С Карцевым он жил так давно, что Светлана не помнила, когда в доме появился Иван Иванович-старший, который теперь считался членом семьи, то есть говорил незнакомым, что он старший брат Карцева, а Карцев тоже представлял остяка как брата (Липатов «Игорь Саввович»).

В этом высказывании длительность отношений между людьми позволяет перевести их из дружеских в родственные, так как они прошли «проверку временем» (*жил так давно; не помнила, когда появился*). Эта продолжительность отношений дает возможность в настоящее время считать человека родственником (*теперь считался членом семьи, старший брат, представлял как брата*).

Когнитивная лингвистика и психолингвистика исходят из наличия у знака обширной смысловой области в языковом сознании индивида и не полной «выводимости» ее на «поверхность», например, в значении слова. Исходя из этого можно предположить существование когнитивного потенциала как «субъективного содержания знакового образа» (А.А. Леонтьев).

В силу того, что слово выполняет отражательную функцию, следует признать, что определенным когнитивным потенциалом обладает любой номинативный знак. Однако наибольшим когнитивным потенциалом обладают традиционные (частотные) номинативные знаки. Ни одна из словарных статей не может полностью охватить все смыслы слова, все представления о нем в сознании носителя языка. Многообразие речевого употребления, включающее индивидуально-авторское, расширяет лексикографическое описание. Оно каузирует в исследовательском процессе обращение к различным дискурсивным практикам и

текстовым фрагментам, в которых актуализируются периферийные (личностные) смыслы, иногда трудно ассоциируемые с лексемой вне конкретного контекста. Именно поэтому с семантической структурой слова связывают представление о семантической динамике традиционных наименований, потенциальных возможностях семного и семантического варьирования слова с данным исходным значением.

В связи с этим можно отметить, что когнитивно-семантический потенциал частотных номинаций родства и дружбы достаточно широк и многогранен, и одним из ярких проявлений данного потенциала можно считать их диффузию.

Список литературы

1. Белякова И.Ю. О концептах души, судьбы и тоски в поэтическом универсуме М. Цветаевой // Формула круга: Сб. статей к юбилею проф. О.Г. Ревзиной. – М., 1999. – С. 91–99.

2. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М.: Смысл, 1997. – 285 с.

3. Липатов В.В. Игорь Саввович / В. Липатов. – М.: Мол. гвардия, 1978. – 398 с.

4. Михеев М.Ю. Отражение слова «душа» в наивной мифологии русского языка // Фразеология в контексте культуры. – М., 1999. – С. 145–158.

5. Петрушевская Л.С. Собрание сочинений: В 5 т. – Т.2: / Л.С. Петрушевская. – М.: Фолио: АСТ, 1996. – 367 с.

6. Постовалова В.И. Судьба как ключевое слово культуры и его толкование А.Ф. Лосевым (фрагменты типологии миропонимания) // Понятие судьбы в контексте разных культур. – М., 1994. – С. 207–213.

7. Салалыкина Ж.В. Метафорический фрейм «душа» в понимании концепта «смерть» //Аксиологическая лингвистика: проблемы изучения культурных концептов и этносознания. – Волгоград, 2002. – С. 83–89.

8. Тильман Ю.Д. «Душа» как базовый культурный концепт в поэзии Ф.И. Тютчева // Фразеология в контексте культуры. – М., 1999. – С. 203–212.

9. Токарева В. Все нормально, все хорошо. Повести и рассказы. – М.: АСТ, 2000. – 544 с.

10. Урысон Е.В. Фундаментальные способности человека и наивная анатомия // Вопросы языкознания. – 1995. – №3. – С. 13–17.

11. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю / А.Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 225 с.